

Т.С. КУЛЬПЕЙСОВА

СОЦИАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ КАК МЕХАНИЗМ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ И КАК ИНДИКАТОР «СТИЛЯ ЖИЗНИ» В СОЦИАЛЬНЫХ ДИСТАНЦИЯХ «МЫ» – «ОНИ»

Диалектика общественного развития обнаруживает тесные взаимосвязи между социальной структурой общества и его культурой. Социальная структура в ряде случаев непосредственно детерминирует содержание и тенденции развития культуры. В свою очередь, культура обуславливает систему социальных отношений, опосредующих происходящие здесь изменения и сдвиги. Одним из проявлений этой взаимосвязи является регуляция социальных отношений с помощью символических средств – социальный символизм.

Впервые вопрос о символическом способе общения, влияющем на речевое поведение носителя той или иной лингвокультурной общности, был поставлен в учении символического интеракционизма, в которой умение распознавать символы каждой из взаимодействующих сторон в целях обмена информацией рассматривается в теории символического интеракционизма как важное условие коммуникации. Так, ДжГ-мид и Т. Шибутани главное внимание уделяли символическому содержанию социальных взаимодействий. При этом, язык, а также невербальные формы общения рассматриваются как основные средства символического взаимодействия. Исследования социального взаимодействия коммуникантов позволили авторам пока коммуникативными средствами жестами. Словами и др) и типовыми символическими структурами, установить связь социальных символов с социальными ролями коммуникантов [1,4]. Коммуникация рассматривается при этом как способ деятельности, который облегчает взаимное приспособление поведения людей. Суть коммуникативной деятельности заключается в установлении согласия и корпорации партнеров, которое достигается в случае регуляции и изменения поведения партнеров в результате приспособления, адаптации их к поведению друг друга. Такое согласие и кооперация создается посредством символической коммуникации- взаимодействия, осуществляемого с помощью тщательно разработанной сис-

темы конвенциональных символов. Конвенциональные символы. Известные представителям одного лингвокультурного сообщества, могут быть иными в другом социуме, поэтому коммуниканты межкультурной коммуникации должны оперировать в ходе обмена информацией общими конвенциональными системами (языковыми и невербальными), в том числе и теми, которые возникают в процессе статусного присвоения культуры в системе статусного и сословного неравенства)

Взаимодействия, осуществляющиеся между коммуникантами как интеракции, рассматриваются обычно как речеповенческие действия коммуникантов в процессе, речевой деятельности.

Важность изучения такого поведения на символическом уровне акцентировалась представителями «символического интеракционизма», согласно которому поведение человека обусловлено символической интерпретацией тех ситуаций, в которые он включен. Развиваемый символическим интеракционизмом взгляд на человека, как на существо, обитающее в символической среде и включенное в знаковые ситуации, имеет под собой определение основания и опирается на фактический материал (1.р.4). Однако представители символического интеракционизма переоценивают роль символических аспектов поведения, сводя к ним по существу все содержание культуры и рассматривая символ как основную единицу последней.

Вопрос о социальном символизме и речевом и неречевом поведении в процессе общения является частью проблемы управления поведением человека и рассматривается в культурно-исторической психологической школе (А.Н.Леонтьев., Л.С.Выготский., А.А. Леонтьев) как часть процесса социализации, достигающейся при социальной регуляции. Под социальной регуляцией здесь имеется в виду, что актуальная деятельности личности осуществляется по образцу, в которых воплощен опыт общества. Психика является инструментом социальной регуляции как

своеобразная модель общества, как хранительница образцов деятельности. Психологически факт социальной регуляции деятельности для отдельной личности существует в форме образов «потребного будущего», планов будущего, т.е. в форме осознательных целей, различных деятельностей, которые, говоря языком социологии личности, обусловлены системой общественных интересов. На уровне конкретной социально-исторической общности общественные интересы описываются как социальные нормы, а уже в сознании личности социальные нормы функционируют в форме ролевых предписаний.

Каждая личность усваивает опыт общества в рамках ролевой деятельности как знание, необходимое для ее осуществления, и доля совокупного социального опыта общества, ставшего достоянием личности, зависит от репертуара ролей, которыми эта личность овладела в течение своей жизни. Удовлетворяя свои потребности принятым в данном обществе способом, человек направляет на себя социальную регуляцию. Контролируя чужую деятельность, он делает это по отношению к другим.

Роль речи и невербальных средств в таком социальном регулировании деятельности людей весьма велика. В качестве средства сознательной регуляции человеком поведения других людей вербальные и невербальные средства общения могут выступать в двух функциях: в инструментальной и символической.

Мы имеем дело с инструментальной функцией речи (вербального средства) и невербальных средств в том случае, когда предписания, побуждения, запреты планирование чужих действий, установление социальных отношений коммуникантов выражены посредством содержания языковых знаков. Инструкции, приказы, кодексы законов запретительные надписи и т.д. - это реализация инструментальной функции языка в качестве регуляции поведения [2, 178].

Однако регулирование поведения взаимодействующих личностей осуществляется и в тех случаях, когда в содержании языковых знаков нет никаких указаний, предписаний. Речевые действия или типы речевых действий, реализуясь в совместных актах совместной деятельности, приобретают признаки этой деятельности и функционируют в качестве знаков-признаков, осмысливаясь символически. В основе символической

регуляции лежит процесс ритуализации инструментального поведения и превращения отдельных его элементов в ритуальные действия с утратой ими всякого инструментальной функции, например, снятие головного убора, пожатие руки при встрече в качестве приветствия. Сюда же следует отнести общепринятые способы, посредством которых личность может (и должна) продемонстрировать свою респектабельность, свое принятие тех социальных отношений, в рамках которых она действует [3, 167]. Поэтому социальный символизм трактуется как одно из проявлений взаимосвязи между социальной структурой общества и его культурой, как регуляция социальных отношений с помощью символических культурных средств.

Социально-символическое потребление материальных и духовных предметов противостоит прямому непосредственному типу присвоения. Акт непосредственного присвоения культуры связан с прямым удовлетворением культурных потребностей как таковых. Напротив, акт статусного присвоения служит лишь коммуникативным средством в процессах общения потребителей культуры и, таким образом, является символическим, например, произведение искусства может быть присвоено как художественная ценность и может способствовать эстетическому развитию личности. Но то же самое произведение искусства может быть ритуально присвоено и как символ престижа, содействующий достижению определенного статуса в конкретной общественной среде [4, 19-12]. Символически присвоенный предмет не функционирует в качестве какого-либо культурного блага, а служит исключительно знаком социальных качеств индивида или группы индивидов.

В некоторых современных обществах до сих пор еще сохраняются пережитки кастовых отношений, например, дискриминация цветного населения, жесткая сегрегация запреты и ограничения на общения лиц, принадлежащих к разным рисовым группам, относящихся к различным социальным слоям. Отношения между такими группами основаны на сословном неравенстве. Социальные дистанции между ними могут быть формализованы и сегрегированны поэтому в процессе межкультурной коммуникации партнерам следует знать также правила в системе сословного неравенства, специфические в различных

странах. Весьма часто регуляция социальных отношений в системе составного неравенства может осуществляться как через прямое, установление того или иного типа отношений (модель, право), так и косвенно посредством предписания определенных действий. Определенного речевого поведения, стиля, жизни, одежды, социальных дистанций и т.д., которые рассчитаны на интерпретацию скрытого, символического смысла.

Основным полюсом, вокруг которого концентрируются процессы социального символизма, является проблема «социальных дистанций». Социальные дистанции – это образуемые действием различных факторов общественные грани, препятствующие сближению групп и придающие социальной структуре иерархический характер.

Социальные дистанции общения могут иметь прямое физическое (сегрегация) и символическое выражение. Сегрегация представляет собой и институциональную форму установления социальных дистанций, выступающую в виде открытых пространственных разграничений различных сфер жизнедеятельности групп (места жительства, работы и и.д.).

В случае установления социальных дистанций с помощью символических средств группы приписывают себе отличительное поведение (стиль жизни), посредством которых они, с одной стороны, идентифицируют своих членов. А с другой – противопоставляют себя остальным элементам социальной стратификации. С помощью этих символических средств фиксируется позиция группы в системе социальной стратификации. Уяснению процессов формирования социального символизма содействует анализ таких важнейших категорий межгруппового общения, как понятия «мы» (we group ingroup) и «они» (other – group outsiders) (5, p. 130)

Эти категории суть не что иное, как элементарная форма выражения группового самосохранения. «Мы» – это те, кто принадлежит данной социальной общности. Они – это те, кто находится вне этой социальной общности «мы». При помощи «мы» индивид тем самым идентифицирует себя с определенной группой. Осознает свою групповую принадлежность, свое отличие от представителей других групп. В стратификационных обществах противоположность между группами «мы» – «они» выражает факт осознания индивидом своей принадлежности к нерав-

ным позициям в системе распределения основных условий жизнедеятельности. «Мы» здесь – это те, кто располагает определенными шансами и возможностями. «Они» – те, чьи шансы или возможности выше или ниже [6, 128].

Такое осознание своей групповой принадлежности к «мы» – «они» проявляется в следующем соблюдении социальной дистанции и регуляции социальных отношений между привилегированными классами и теми группами, которые занимают нижестоящие позиции в системе социального неравенства, ср: «он [Франклин] понял, что никакое примирение с лордами английского короля невозможно, ни ныне, ни в будущем. Целых семнадцать лет был он гостем в домах этих важных господ, они любезно беседовали с ним, отдавая дань уважения его учености, его пытливости, его философии: и вот теперь они, ухмыляясь, слушали как поносит его этот горлодер поверенный, как осыпает его уличной бранью. Теперь они показали себя. Теперь стало ясно, как рады они его унижить. Они унижали его, потому что он им не ровня. Потому что он не дворянин. А простой мещанин, сын мыловара, осмелившийся раскрыть рот в защиту маленьких людей (Л.Фейтхвангер. Лисы в винограднике, с. 81).

Противопоставление «мы» – «они» проявляется не только в демонстрации поведения, унижительного, по отношению к нижестоящим на социальной лестнице но и путем соблюдения особого стиля жизни. «Стиль жизни» – это конкретная система ритуальных предписаний, господствующая в данной социальной среде, символическая модель поведения (стиль) во всех сферах жизнедеятельности людей: в потреблении в отношении к искусству политике, религии, общественным организациям. Стиль жизни устанавливает общепринятые способы, посредством которых личность может демонстрировать свою респектабельность, свою принадлежность к группе «мы». Так такой «стиль жизни» присущности современному бомонду. ср: «однако политбомонд не тусуется в открытую в дорогих ресторанах, в моду входят закрытые клубы. Один из самых престижных «Монолит» на Большой Грузинской, который объединяет 550 семей «политиков, бизнесменов и деятелей культуры» (Комсомольская правда, 16.03.2001).

«Хороший вкус» также является одним из способов показа своей респектабельности в обществе. Модны вкус в одежде, обстановке, ар-

хитектуре – это способы, поддержания «стиля жизни» в обществе. «Хороший вкус – это категория ритуализма, фиксирующая основное качество личности в системе ритуальной культуры [7,523-524].

Соблюдение, «модного вкуса в одежде, в предметах потребления, в образе жизни характерно для элитных слоев общества, например: «он [Брынцалов – российский миллионер, аптечный король – Т.К.] любит туфли из крокодиловой кожи, золотые часы с бриллиантами «Вашерон Константин», костюмы от Нины ричеи» (Караван 2.03.200); « Последний писк –преподнести, в качестве подарка эксклюзивную сумочку, платок либо ремешок известный фирмы, сделанные на заказ под цвет глаз и кожи любимой! Говорят, что этими «безделушками» ценой под тысячу долларов, удивляют окружающих супруги некоторых членов правительства. А «вот певец-депутат Иосиф Кобзон просто подарил сыну Андрею ресторан (Комсомольская правда, 16.03.2000); «любит наш бомонд и драгоценности. К примеру на последнем Московском кино-

фестивале главными драгоценностями безоговорочно были признаны Татьяна Михалкова и Марья Миронова. Первая появилась на официальной церемонии в колье и серьгах от tiffany (Комсомольская правда. 16.03.2001).

Таким образом социальный символизм-это ритуальное поведение при помощи демонстрации которого соблюдается определенный, предписанный этикетом группы «мы» стиль жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шибутани Т. Социальная психология. М., 2002.
2. Тарасов Е.Ф., Школьник Л.С. Социально-символическая регуляция поведения собеседника // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука,1977.
3. Басин Е.Я., Краснов В.М. «Статусное» присвоение культуры как регулятор социального общения при капитализме // Вопросы философии. 1969. №10.
4. Ramsay O. Social groups as system and subsystem. М., 1962.
5. Park R.E. On social control and collective behaviour. Chicago - London.
6. Басин Е.Я., Краснов В.М. Социальный символизм // Вопросы философии. 1971. №10.
7. Shapiro Taste Encyclopedia of the social sciences, Vol., 13. London, 1967.